

УДК 903

С.В. Большов

Марийский государственный университет
ул. Пушкинская, 30, Йошкар-Ола, 424001, Россия
E-mail: bostg@mail.ru

К ВОПРОСУ О «ВОСТОЧНОМ» НАПРАВЛЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

О «восточном» направлении культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы свидетельствуют материалы сейминско-турбинского Юринского могильника, керамика с валиком и «змейкой» с чирковских поселений. Изделия из мышьяковистой меди в Пепкинском, Абашевском могильниках средневожской абашевской культуры связываются с месторождением Таи-Казган в Зауралье. «Восточное» направление указывают и найденные в костях абашевских воинов (Пепкинский курган, кург. 12 могильника Алгаши) наконечники стрел сейминского типа, известные на поселениях кротовской культуры Прииртышья (Инберень X, Черноозерье IV и VI). Эти контакты, вероятно, следует отнести к среднему этапу эпохи бронзы, к первой половине II тыс. до н.э.

Ключевые слова: бронзовый век, абашевская культура, кротовская культура, чирковские поселения, керамика с валиком и «змейкой», сейминско-турбинские могильники, стадиальность.

Географическое расположение Средневожского региона на границе лесостепи и леса, ориентация культурных связей в эпоху бронзы как в западном, так и в восточном направлении осложняют моделирование культурогенеза на рассматриваемой территории. Появление в последние годы абсолютных дат для памятников бронзового века на севере Среднего Поволжья (сейминско-турбинский Юринский могильник [Юнгнер, Карпелан, 2005], абашевский Пепкинский курган [Кузнецов, 2003]) и существующие достаточно ранние даты для фатьяновско-балановских древностей [Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 46] заставляют по-новому взглянуть на соотношение названных культур. «Западное» направление культурных связей Средневожского региона в эпоху бронзы уже анализировалось [Большов, 2008], но не менее важным является «восточное» направление. Не случайно в свое время М. Гимбутас называла материалы сейминского типа и одновременные им памятники ключом к хронологии эпохи бронзы Восточной Европы [Gimbutas, 1955, p. 144]. В связи с этим актуальным является уточнение

соотношения западных сейминско-турбинских памятников (Юрино, Сейма, Решное) со средневожской абашевской культурой, а также балановской и атликасинской культур с этими памятниками и культурой.

В начале эпохи раннего металла племена севера Среднего Поволжья поддерживали культурные связи как с западными (Волго-Окское междуречье, Верхнее Поволжье), так и с восточными (бассейн р. Вятки, Прикамье и Приуралье) регионами. Средневожская волосовская культура включается в волосовско-турбинскую общность [Бадер, Халиков, 1976], в рамках широкой общности культур пористой керамики Восточной Европы [Никитин, 2003, с. 92]. С западными регионами (в широком смысле этого понятия) связывается появление в Среднем Поволжье носителей балановской, атликасинской и абашевской культур, которое собственно и определяет начало бронзового века на севере средней Волги. Отнесение этих культур к середине эпохи бронзы (в хронологии лесостепи Восточной Европы) хотя и вызывает возражения (С.В. Кузьминых), все же предполагает их существование никак

не позднее середины II тыс. до н.э. Калиброванное значение радиоуглеродной даты погр. 2 абашевского Пепкинского кургана в пределах 2500–2029 гг. до н.э. позволило П.Ф. Кузнецову датировать абашевскую культуру в Среднем Поволжье XXI–XX вв. до н.э. [2003, с. 87]. Сравнительно раннее время ее существования подтверждают даты сейминско-турбинских могильников Елунино (1960–1870 гг. до н.э.) и средневожского Юринского (Усть-Ветлужского) (1950–1860 гг. до н.э.) [Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 112].

Ю.П. Матвеев считает, что все три абашевские культуры (доно-вожская, средневожская, южно-уральская) в своем классическом проявлении синхронны. Он доказывает первичность западного, абашевского, импульса распространения «колесничных» культур эпохи бронзы вплоть до Зауралья [Матвеев, 2005, с. 11–13]. Захоронения колесничих, содержащие диско-видные псалии с шипами, как считают В.И. Молодин и А.Д. Пряхин, были распространены на заключительном этапе досейминского – в самом начале сейминского периода [1998, с. 4–5]. Средневожские абашевцы находились несколько севернее основных путей движения из Днепро-Донского и Доно-Вожского регионов на восток, поэтому их участие в этом движении маловероятно. Существует точка зрения, согласно которой абашевцы продвигались из Марийско-Чувашского Поволжья в двух направлениях: юго-западном (в Подонье) и юго-восточном (в Самарское Поволжье и Приуралье) [Горбунов, 1990, с. 10–11]. О.В. Кузьмина также считает, что абашевская культура сформировалась на севере Среднего Поволжья, затем распространилась по южной кромке зоны широколиственных лесов в Приуралье, а на позднем этапе развития проникла в Самарское Поволжье и Южное Зауралье [1992, с. 74; 2007, с. 102]. Доказательства ошибочности этой гипотезы, а также вопросы, связанные с происхождением и периодизацией средневожской абашевской культуры, рассмотрены в монографии [Большов, 2006а]. Так или иначе, но существование средневожских и южно-уральских абашевцев в рамках единой абашевской общности предполагает наличие определенных культурных связей между ними.

О наличии «восточных» культурных связей абашевских племен севера Среднего Поволжья свидетельствуют изделия из мышьяковистой меди группы ТК или медно-мышьяковых сплавов – мышьяковых бронз [Черных, Кузьминых, 1989, с. 172], найденные в абашевском Пепкинском кургане, Абашевском могильнике и одном из курганов Виловатовского II могильника [Черных, 1963, с. 364; 1970, с. 153–154]. С.А. Григорьев считает, что использование абашевцами мышьяковистой меди группы ТК указывает на изготовление ими мышьяковой бронзы. По его мнению, легирование производилось на стадии плавки руды, т.к. руда, содержащая мышьяк, на абашевских

поселениях почти не встречается [Григорьев, 1996]. Мышьяковистая медь группы ТК по своему химическому составу связывается с месторождением Таш-Казган в Зауралье [Черных, Кузьминых, 1989, с. 172] и на среднюю Волгу могла попасть либо с южно-уральскими абашевцами, либо с сейминско-турбинскими племенами.

Явных свидетельств контактов представителей фатьяновско-балановской и сейминско-турбинской общностей нет. Но определенная синхронность абашевских и фатьяновско-балановских памятников предполагает сосуществование во времени племен, оставивших последние, с западными сейминско-турбинскими. В качестве доказательств одновременности средневожских абашевских и поздних фатьяновско-балановских памятников можно привести следующее. В парном погребении, совершенном по абашевскому погребальному обряду (умерший был захоронен на спине с подогнутыми ногами), находились фрагменты колоколовидного сосуда с типичной абашевской орнаментацией и цилиндрическая шейка атликасинского сосуда [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 78, 104–106]. В абашевском Тебикасинском могильнике найден сосуд шаровидной формы с короткой шейкой, орнаментированный неоконтурными квадратами, расположенными в шахматном порядке. Он обнаруживает сходство с керамикой из Балановского и фатьяновского Уреньского могильников [Там же, с. 74, рис. 22, 5; с. 101–102; Бадер, Халиков, 1976, с. 125, табл. 8, 33; с. 137, табл. 29, 6]. Положение погребенного на спине с подогнутыми ногами (типичный признак абашевского погребального обряда) зафиксировано в балановских Козловском могильнике и Чурачикском кургане, а также в восьми фатьяновских могильниках московско-клязьминской и верхневожской локальных групп фатьяновско-балановской общности [Бадер, 1963, с. 211; Крайнов, 1972, с. 188]. В Балановском и фатьяновском Трусовском могильниках обнаружены изделия из мышьяковистой меди группы ТК. В культурах фатьяновско-балановской общности отсутствует традиция использования мышьяковистой меди или бронзы [Григорьев, 1996, с. 34]. К этим племенам она могла попасть через абашевцев.

Коллективные захоронения без черепов Балановского могильника и наконечники стрел, близкие сейминскому типу, обнаруженные в нем и в кургане Атликасы [Бадер, 1963, с. 189, рис. 122, 1–3; с. 223, рис. 153, 4], возможно, являются косвенным подтверждением военных столкновений фатьяновско-балановских и сейминско-турбинских племен. Следы насильственной смерти и факты разграбления могил, которые Д.А. Крайнов связывает не с носителями волосовской культуры, а с какими-то новыми пришельцами, отмечены и в погребениях поздних фатьяновских могильников на верхней Волге (Волосово-Даниловский, Фатьяновский и др.)

[Крайнов, Гадзяцкая, 1987, с. 76]. На волосовском поселении Николо-Перевоз II обнаружено коллективное фатьяновское захоронение с девятью погребенными, которое прорезало волосовский слой. В костях некоторых скелетов были наконечники стрел. Три из четырех экземпляров по форме близки к сейминским, найденным также в костях в абашевском Пепкинском кургане, и отличаются от них менее выраженными шипами. Один наконечник из могильника Николо-Перевоз II, как и некоторые из Пепкино, имеет обломанный черешок [Раушенбах, 1960, с. 34, рис. 4, 7–10; Третьяков, 1990, с. 121–123]. Возможно, здесь фиксируется тот же процесс, что и в средневожских абашевских курганах с коллективными захоронениями и сейминскими наконечниками стрел в костях. Все это, вероятно, свидетельствует о сосуществовании во времени носителей балановской культуры (поздний этап развития фатьяновско-балановской общности) с западными сейминско-турбинскими племенами.

Наиболее отчетливым вопрос о «восточном» направлении культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы становится при рассмотрении сейминско-турбинской проблемы. Некоторые историографические аспекты и соотношение сейминско-турбинских памятников с абашевскими рассматривались мной ранее [Большов, 2006б]. Остановимся более подробно на характеристике чирковско-сейминской (по А.Х. Халикову), или чирковской (по Б.С. Соловьеву), культуры. Хотя в конце 80-х гг. прошлого века А.Х. Халиков отказался от определения «чирковско-сейминская», оставив за культурой название «чирковская», он все же продолжал объединять поселения чирковского типа с сейминско-турбинскими могильниками [1987]. Не совсем понятна позиция Б.С. Соловьева по этому вопросу. С одной стороны, он, казалось бы, не объединяет поселения чирковского типа с сейминско-турбинскими могильниками, с другой – отмечает, что валиковая керамика Марийского Поволжья отражает контакты местных и сейминско-турбинских популяций, включавших носителей культур ташковско-кротовского типа, а сама чирковская культура «является результатом синтеза поздневожских, балановско-атликасинских и “валиковых” культурных традиций» [Соловьев, 2004, с. 15–16]. Таким образом, о чирковской культуре как о результате культурогенеза носителей вышеназванных культурных традиций в лесном Среднем Поволжье можно говорить только применительно к постсейминскому времени. И не случайно, следуя логике протекания процесса формирования этой культуры, А.Х. Халиков относит ее заключительный этап к концу II тыс. до н.э. [1987, с. 139].

В.Т. Ковалева и О.В. Рыжкова, напротив, считают, что валиковая керамика появилась на территории Восточной Европы и Западной Сибири независимо друг от друга, и средневожскую они не связывают с ташков-

ской культурой [1991, с. 34]. Валиковая керамика севера средней Волги близка вольско-лбищенской с поселения Гундоровка в Самарском Поволжье, также имеющей характерную для средневожской «змейку». Отмечается некоторое сходство в деталях вольско-лбищенской керамики с южно-уральской абашевской. И.Б. Васильев и П.Ф. Кузнецов считают, что укрепленные поселения вольско-лбищенского типа, которые они относят к среднему этапу эпохи бронзы, свидетельствуют о напряженной культурно-исторической ситуации [2000, с. 69, 71, 80]. Вполне возможно, что валиковая керамика Самарского и Марийского Поволжья отражает единый процесс проникновения на среднюю Волгу населения, не связанного с местными традициями. На поселении кротовской культуры Преображенка-3 сосуды с волнистым («змейка») и прямым валиком встречены в одном комплексе жилища [Молодин, 1977, с. 55]. Наиболее вероятна связь населения, изготовлявшего такую керамику, с регионами к востоку от Среднего Поволжья.

А.Х. Халиков связывал сосуды с налепными валиками и сейминско-турбинские бронзы с лесостепными сибирскими племенами, которые в середине II тыс. до н.э. проникали в Приуралье и Поволжье [1970, с. 44]. Валиковая керамика связывается с кротовской культурой, могильниками Сопка и Ростовка. Отмечалась также выраженная близость чирковской культуры к зауральским и западно-сибирским [Халиков, 1987, с. 136]. Гипотезу о связи сейминско-турбинских бронз с валиковой керамикой поддерживал В.Ф. Генинг [Генинг и др., 1970, с. 40].

«Восточное» направление указывают и сейминские наконечники стрел. Как уже отмечалось выше, в Среднем Поволжье они встречаются в костях абашевских воинов (коллективные погребения Пепкинского кургана и кург. 12 могильника Алгаши). Черешковые наконечники сейминского типа с шипами известны и на чирковских памятниках: Чирковской, Юринской стоянках, Кубашевском и Васильсурском V поселениях, на которых найдена также керамика с валиком и «змейкой» [Халиков, 1960, с. 119; Соловьев, 2000, с. 131]. Они обнаружены вместе с такой же керамикой на поселениях кротовской культуры Прииртышья: Инберень X, Черноозерье IV и VI. Черешковые наконечники с шипами с этих памятников Н.К. Стефанова считает близкими пепкинским. Следует также отметить, что на поселении Инберень X найдена очевидная подвеска абашевского типа [Стефанова, 1988, с. 65, рис. 3, 6].

О «восточном» направлении культурных связей племен Среднего Поволжья в эпоху бронзы свидетельствуют и материалы сейминско-турбинского Юринского (Усть-Ветлужского) могильника. В них самая многочисленная категория орудий (7 экз.) – ножи с ромбическим навершием [Соловьев, 2005, с. 110]. Четыре аналогичных изделия найдены в Турбинском

могильнике [Бадер, 1964, с. 85, рис. 78–80; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 58]. По определению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, это ножи разряда НК–14, которые являются наиболее типичными орудиями абашевской общности [1989, с. 101]. Аналогичный им нож со сточенным лезвием обнаружен в женском погр. 3 кург. 4 средневожского абашевского могильника Алгаши [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 58]. В этом же погребении найдены бронзовое составное украшение на кожаной основе, желобчатые браслеты и два сосуда, один из которых колоколовидной формы, с линиями-желобками под венчиком, имеет сходство с сосудом из коллективного погребения Пепкинского кургана [Там же, рис. 18, 2; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, табл. I]. Как уже отмечалось, ножи разряда НК–14 были широко распространены в абашевской культурно-исторической общности. В Подонье они встречаются в могильниках начиная с развитого этапа доно-вожской абашевской культуры [Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 13]. Можно отметить курган Селезни-2, где в трех из четырех погребений найдено пять таких ножей. Один из них обнаружен вместе с сосудом, аналогичным средневожским из могильников Алгаши и Пепкино [Пряхин и др., 2001, с. 68, 69, 74]. Следует отметить, что в кургане Селезни-2 найден также наконечник копья разряда КД–30 (по: [Черных, Кузьминых, 1989]). Подобный наконечник обнаружен и в кургане Большая Плавица. Селезни-2 синхронизируется с погребениями Потаповского могильника, имеющими абашевско-синташтинские черты, и с синташтинскими комплексами Зауралья. Эти памятники ряд исследователей относит ко второй четверти II тыс. до н.э. [Пряхин и др., 2001, с. 80].

Форма для отливки вислообушного топора из Пепкинского кургана дает возможность достоверно определить тип абашевского топора. О.В. Кузьмина выделяет следующие его главные признаки: «вислый» обух и овальное сечение втулки [2003, с. 96]. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых орудия этого типа относят к разряду Т–2 втульчатых топоров и связывают их с абашевским очагом металлургии и металлообработки [1989, с. 125–128, рис. 70, 1–3]. В Турбинском могильнике найдены три таких орудия. О.Н. Бадер называет их топорами камского типа и связывает с местным приуральским производством [1964, с. 84, рис. 69]. На Южном Урале два топора абашевского типа обнаружены на Мало-Кизыльском селище [Пряхин, 1976, с. 131, рис. 22, 8, 9].

Что касается абашевских украшений, то А.Х. Халиков отмечал аналоги желобчатых браслетов из Алгаши в материалах Турбинского могильника. В них есть и браслет с разомкнутыми концами, треугольный в сечении, подобный пепкинскому из погр. 2 [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 20, 62, табл. IV, 6; Черных, Кузьминых, 1989, с. 133, рис. 73, 18], а также

круглые в сечении браслеты с заходящими концами, аналогичные найденным в погр. 2 кург. 2 абашевского Туруновского могильника [Евтюхова, 1959, с. 149, рис. 9, 14]. В мог. 62 Турбинского могильника в большом количестве обнаружены витые проволочные пронизи [Бадер, 1964, рис. 87, А] – типичные для средневожских абашевцев украшения [Большов, 2003а, табл. XVI].

Таким образом, «восточное» направление культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы прослеживается прежде всего по материалам сейминско-турбинского Юринского могильника, который и хронологически, и территориально занимает промежуточное положение между камским Турбинским и окским Решенским. Пройдя по территории средневожских абашевцев, сейминско-турбинские племена включили в свой состав это население, о чем убедительно свидетельствуют абашевские керамические комплексы сейминско-турбинских могильников Сейминский и Решное.

Судя по рисунку А.П. Мельникова, опубликованному О.Н. Бадером [1970, рис. 64], один небольшой сосуд из Сейминского могильника (раскопки 1915 г.) явно баночный, характерный для средневожской абашевской культуры. Посуда подобной формы и размеров не встречается в других культурах региона эпохи бронзы. Еще два сосуда на этом рисунке имеют округлое тулово и невысокую отогнутую шейку. Они также находят аналогии среди абашевской посуды. Керамика из раскопок Сейминского могильника 1929 г., опубликованная О.Н. Бадером как чирковско-сейминская [Там же, рис. 86–87], тоже достаточно близка средневожской абашевской. Более достоверно можно судить о керамике из могильника Решное, которую О.Н. Бадер связывает с абашевской культурой [1976, с. 45]. Известны шесть сосудов из этого могильника. Один острорезный (ребро расположено на середине тулова), с плоским дном и отогнутой шейкой, без орнамента. Другой сосуд близких пропорций и формы, но без выраженного ребра, орнаментирован вдавлениями, образующими горизонтальную «елочку». Маленький чашевидный сосуд без выделенной шейки, сужающийся к плоскому дну, декорирован двумя волнистыми горизонтальными линиями и короткими резными вертикальными под венчиком. Два сосуда имеют колоколовидную форму и короткую отогнутую шейку. Один из них с вогнутым дном, украшен резными параллельными горизонтальными и под углом к венчику линиями. Последний сосуд имеет приостренный венчик, округлые тулово и дно, орнаментирован в верхней трети параллельными горизонтальными линиями, вероятно выполненными зубчатым штампом. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых считают, что посуда из Решного соответствует керамике средневожской абашевской культуры [1989, с. 228–229,

рис. 103, 6–11]. Следует уточнить, что аналогии она находит в материалах могильников позднего этапа этой культуры в Волго-Вятском междуречье. Так, в керамическом комплексе могильника Пеленгер I два сосуда имеют вогнутое дно, один из них (из погр. 2 кург. 3) колоколовидной формы [Большов, 2003а, рис. 25, 2; 56, 3]; сосуд 2 из погр. 2 кург. 8 по форме идентичен сосуду с приостренным венчиком из могильника Решное [Там же, рис. 30, 2]. Следует отметить, что подобное оформление венчика является исключением для посуды средневожской абашевской культуры. В материалах могильника Туруново известен аналог острореберного сосуда без орнамента из Решного, единственное его отличие – шейка менее выделена и отогнута. У другого сосуда баночной формы отмечено сужение тулова к плоскому дну, а еще у одного ребро слабо выражено и почти прямое тулово резко сужается к плоскому дну [Евтюхова, 1959, рис. 8, 16, 17, 20]. Таким образом, практически вся посуда из могильника Решное находит аналогии в материалах средневожских абашевских могильников Пеленгер I и Туруново или у абашевских сосудов отмечаются тенденции, развитие и оформление которых наблюдается в решенском керамическом комплексе.

Существует гипотеза о стадийном характере распространения захоронений литейщиков: катакомбный мир, фатьяновская, доно-вожская абашевская, полтавкинская, кротовская культуры [Молодин, Пряхин, 1998, с. 5]. К этому списку следует добавить балановскую и средневожскую абашевскую культуры. Хорошо известны погребения металлургов-литейщиков в Пепкинском (средневожская абашевская культура) и Чурачикском (балановская культура) курганах. В последнем найдены два медных вислообушных топора и формы для их отливки. Отмечаются и отдельные абашевские проявления: положение погребенного на спине, расчлененное захоронение. При этом следует отметить, что чурачикская керамика имеет типичные балановские черты.

Выделение типолого-хронологического пласта погребений с коллективными захоронениями и сейминскими наконечниками стрел на средневожских абашевских могильниках (Пепкино, Абашево, Алгаша) дает основание предполагать массовое вторжение каких-то племен на абашевскую территорию. Вероятно, это связано с сейминско-турбинской экспансией на север Среднего Поволжья. Наличие сейминских наконечников стрел позволяет соотнести по времени выделенную группу коллективных погребений с такими памятниками, как Турбино и Сейма, Филатовка и Власовка, Синташта и Потаповка [Беседин, 1995; Большов, 2003б, с. 71].

Есть все основания считать, что в лесной полосе Среднего Поволжья абашевская, балановская, атликасинская культуры (на определенных этапах развития),

а также западные сейминско-турбинские (Юринский и Сейминский могильники) сосуществовали во времени. В абсолютных датах это может быть первая половина II тыс. до н.э.

Список литературы

Бадер О.Н. Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 176 с.

Бадер О.Н. Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев: [б.и.], 1976. – С. 44–45.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры. – М.: Наука, 1976. – 167 с. – (САИ; вып. В 1–25).

Беседин В.И. О хронологии Пепкинского кургана // РА. – 1995. – № 3. – С. 197–200.

Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2003а. – 180 с.: ил.

Большов С.В. Абашевско-сейминские параллели (к вопросу о датировке волго-вятской группы абашевских памятников) // Мат-лы Междунар. XVI Урал. археол. совещ. 6–10 окт. 2003 г. – Пермь, 2003б. – С. 71–72.

Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006а. – 232 с., ил.

Большов С.В. Сейминско-турбинские памятники лесного Поволжья и курганы абашевской общности // Влияние природной среды на развитие древних сообществ: мат-лы науч. конф., посвящ. 50-летию Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2006б. – С. 70–82.

Большов С.В. Культурные связи средневожского, верхневожского и волго-окского регионов // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2008. – Т. 10, № 1. – С. 237–243.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000. – С. 65–84.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья / ИИиА УрО РАН. – Препр. – Свердловск, 1990. – 30 с.

Григорьев С.А. Мышьяковистые бронзы в металлургии I фазы Евразийской металлургической провинции и этнические процессы I половины II тыс. до н.э. в Восточной Европе // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпо-

хи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. – С. 33–35.

Евтюхова О.Н. Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое в Марийской АССР // Тр. Мар. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. – Йошкар-Ола, 1959. – Вып. 14. – С. 131–150.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 43–110. – (МИА; № 97).

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В. Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лесном Зауралье // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола, 1991. – Вып. 19: Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. – С. 24–41.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. – М.: Наука, 1972. – 274 с.

Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье. – М.: Наука, 1987. – 144 с. – (САИ; Вып. В1–25).

Кузнецов П.Ф. К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. – С. 86–88.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ин-та, 1992. – 128 с.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении бронзовых топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. – С. 92–102.

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. – Самара: Самар. дом печати, 2007. – С. 91–116.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. – 2005. – № 3. – С. 5–15.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 169 с.

Молодин В.И., Пряхин А.Д. Евразийская лесостепь в эпоху средней – поздней бронзы (некоторые проблемы) // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1998. – Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – С. 3–7.

Никитин В.В. Культуры пористой керамики Волго-Камья эпохи раннего металла (к вопросу о волосовско-турбинской общности) // Мат-лы Междунар. XVI Урал. археол. совещ. 6–10 окт. 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 91–93.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1976. – 167 с.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2: Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 44 с. – (Археологические памятники Донского бассейна; вып. 3).

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 180 с.

Раушенбах В.М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Тр. ГИМ. – 1960. – Вып. 37. – С. 28–37.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. – 171 с. – (Тр. Мар. археол. экспедиции; т. 6).

Соловьев Б.С. К вопросу о взаимодействии населения раннего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – Вып. 27: Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – С. 14–20.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. – 2005. – № 4. – С. 103–112.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 53–74.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. – Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993. – С. 42–55.

Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III–II тыс. до н.э. – Л.: ИА РАН, 1990. – 211 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1960. – 187 с. – (Тр. Мар. археол. экспедиции; т. 1).

Халиков А.Х. Контакты племен Западной Сибири и Южного Урала с племенами Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху камня и бронзы и их этнокультурная интерпретация // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 40–60.

Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 136–139. – (Археология СССР).

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1966. – 69 с. – (Тр. Мар. археол. экспедиции; т. 3).

Черных Е.Н. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов // Балановский могильник. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 363–369.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. – 2005. – № 4. – С. 112.

Gimbutas M. Borodino, Seima and their Contemporaries // Proc. of the Prehistoric Society. – Cambridge, 1955. – Vol. 22. – P. 144–169.